

ПЛЕМЯ МЕДВЕДЯ

Пустынная местность. По берегу извилистой реки — неровные цепи холмов; в их углублениях — долины, болота, луга. Здесь и там голые камни, отвесные скалистые стены, и тут же на склонах густой лес: береза, ель, сосна, дуб, клен. Многие деревья лежат поверженные: молния сразила их, ураган вырвал их с корнем... Зима уже близилась к концу. Здесь и там на склонах холмов еще лежал снег, но воздух был легкий, чувствовалось, что почки скоро нальются на деревьях.

Тишина... Молчание... Ни следа человека... Только лисица пробежит по опушке леса, да выхухоль выскочит на дорогу, да орел чертит круги в воздухе.

Куда ни глянет глаз — ни поля, ни башни, никакого человеческого сооружения.

И все же в косых лучах заходящего солнца можно было увидеть голубоватый дымок, который подымался с берега реки, там, из-за кустарника, и таял в воздухе. А вот в некотором отдалении — другое, совсем прозрачное дымное облако поднялось и растаяло в вышине. Значит, человек был здесь, в этой обширной пустынной стране, он был здесь, но только тщательно прятался в ущельях, по берегам этой извилистой реки.

И действительно: у края обрыва, в сумерках, от ствола лиственницы отделилась фигура. Это был человек, еще совсем молодой, стройный, гибкий. Небольшая голова, ловко посаженная да плечи, темное от загара и ветра лицо, правильные черты, прямой нос, блестящие глаза... Нон, сын Тимаки, из племени Медведя...

Оленья шкура покрывала его тело, и к ногам были привязаны кожаные сандалии. Он крался неслышно, низко сгибаясь, выслеживая следы зверя. Они привели его к узкой норе. Здесь Нон растянулся на коричневом ковре прошлогодней листвы и мхов, оперся на локти и застыл. Если бы не копна его пышных каштановых волос, его нельзя было бы отличить в сумерках от темной земли, на которой он лежал.

Но вот послышался шорох в норе. Нон притаил дыхание. Сначала высунулась только морда зверя; потом, успокоенное тишиной, животное осторожно высунуло всю голову; живые глазки зорко вглядывались в темноту. Это длилось лишь одно короткое мгновенье: тяжелый камень, зажатый в правой руке Нои, молниеносно опустился на маленькую голову и размозжил череп, а левая рука не менее быстро схватила зверя, чтоб не дать ему скрыться в нору в последней смертельной судороге.

Теперь Нон одним прыжком вскочил на ноги. Он улыбался, рассматривая свою добычу: это был чудесный соболь.

Крепко прижимая к себе еще теплое тело, Нон быстро шагал по направлению к долине, опускавшейся к реке. Широкоплечий, высокий, около двух метров росту, на длинных ногах, — он шел легко и быстро, напоминая походкой зверя, неумоимо и равномерно бегущего к своей цели. Он перепрыгивал с камня на камень, тщательно огибая все густые заросли, потому что там могли ютиться духи, а Нон боялся их. Он был молод — ему было всего 18 лет — и мог ли он, почти ребенок, знать, как нужно обращаться с невидимыми духами, чтобы противостоять их страшной силе?

Наконец, он сошел к реке, отвязал маленькую лодку, которая была там привязана к дереву, и быстро пересек в ней неширокую поверхность воды. Тут он вскарабкался на крутую скалу и, наконец, достиг широкой каменной террасы.

Над террасой низко нависал выступ скалы, и поэтому, тут было еще темнее. В темноте виднелись зажженные на одинаковом расстоянии друг от друга костры, а за каждым из них — хижина с ярко раскрашенными стенами, Огонь у входа в жилище должен был отгонять диких зверей.

В одну из хижин быстро проскользнул Нон.

Здесь в темноте, зарывшись в меховые мешки, спали его отец, мать и сестра. Бросив в дальний угол хижины принесенного им зверя, Нон нащупал свой мешок, лежавший рядом с отцом, залез в него и сейчас же крепко уснул.

Настало утро. Тимаки, отец Нон, с другими мужчинами сидел на корточках на краю каменной террасы. В эти часы здесь царило особенное оживление. Лучи восходящего солнца заливали всю террасу и проникали в самые отдаленные уголки. Все пространство, на котором были расположены жилища племени, составляло в длину сто пятьдесят, а в ширину, тридцать шагов и ютилось под естественным навесом, образованным скалой. Хижины были построены совершенно одинаково. Стены, прикрепленные к вбитым в землю кольям, были сделаны из лошадиных и оленьих шкур и раскрашены черными, красными и серыми полосами. Задняя часть хижины служила для хранения шкур, оружия, орудий и запасов пищи. В передней части спали члены семьи: отец и мать посередине, а дети — по краям; сыновья — рядом с отцом, дочери — рядом с матерью. Перед единственным входом в хижину находился очаг, на котором приготавливали пищу и разводили огонь, чтобы согреться. На горячих камнях поджаривали ломти мяса, ягоды и зелень, коптили рыбу, подвешивая ее на кольях над огнем, а в горячей золе держали различные корни.

На стенках хижины были очень искусно нарисованы всевозможные звери, перед изображением которых

лежали различимо жертвоприношения — пучок травы, немного червей, для того, чтобы поддерживать животных в благосклонном настроении; изображения животных были вырезаны также у входа в пещеры и на их стенах.

Земля на террасе была вся усыпана золой и костями животных. Маленькие дети дрыгали, подымая столбы пыли, и искали в золе куски дерева, которые они подбрасывали в огонь; старшие же дети — кто ушел в ближайший лес за еловыми шишками, кто приносил ветви с деревьев и складывал их в кучи у стены скалы. Слышались крики, споры, шлепки и брань, смех и шутки. Дети работали серьезно, с сознанием, что они служат общему делу.

Матери и дочери сидели у входа в хижины. Они были заняты обработкой мехов и шкур и приготовлением из них платья. Нитками им служили высушенные волокна растений или нервы убитых животных, вдетые в тонкие иглы, сделанные из кости. Раньше чем продеть нитку с иглой, в шкуре делали отверстие при помощи маленького острого камня. Таким образом, работа шла довольно медленно, но, ведь, спешить было некуда, время не имело никакой цены: что не было сделано сегодня, можно было доделать завтра.

Некоторые женщины готовили мясо и зелень для обеда. Другие растирали в выдолбленном камне красные и черные краски, которые в большом количестве употреблялись для раскраски стен хижин, для изображения животных на скалах, а также для окраски лица и тела во время многочисленных празднеств, на которые собирались члены племени.

Женщины и девушки работали, а мужчины сидели неподвижно на краю террасы или, когда было холодно, у
огня.

Они бездельничали между двумя периодами охоты, которая обычно продолжалась очень долго и после которой они возвращались измученные, усталые, но нагруженные добычей, обеспечивающей на многие дни

пропитание для их семей. Они следили, чтобы их оружие — стрелы и копья, топоры и остроги — было в порядке, посещали соседей, чтоб поговорить с ними о важных вопросах, касавшихся всего племени, или же шли в соседний лес расставлять ловушки для зверей.

С незапамятных времен жило племя Медведя в этом углу долины, где в бесчисленных ущельях, созданных самой природой, оно находило естественную защиту от холода и ветра, снега и дождя. Когда-то предки этих людей жили в других краях, где было жаркое солнце. Но вот произошел великий переворот — наступили страшные холода, и, гонимые северным ветром, люди бежали на юг по снежным, ледяным, застывшим полям, погибая по дороге от холода и голода. А вместе с людьми бежали и звери. Стада мамонтов, истощенных голодом, трусили так быстро, как только им позволяли их огромные тяжелые тела; испуганные олени и бизоны мчались вслед, а в темноте ночи слышно было рычанье бегущего льва.

После мучительных переходов с места на место, длившихся долгие годы, люди пришли, наконец, в эту счастливую долину. Но что осталось от многочисленного раньше племени? Великий их предок, Медведь, несмотря на силу и мужество, смог спасти только своих четырех сыновей и четырех дочерей. И вот с тех пор все племя чтит пещерного медведя и поклонялось ему, так как в нем жил дух их предка, который оберегал своих потомков и охранял их от всяких несчастий. Пещерный медведь таким образом стал священным животным.

Уже много поколений сменили друг друга с тех пор, как племя Медведя осело здесь. Оно жило сравнительно в безопасности, почти никем не тревожимое, тесно сплоченное общими воспоминаниями и общим трудом. И только два раза за все время пришлось ему

взяться за оружие: один раз, когда с севера на него напали дикие орды людей без культуры и закона, и затем второй раз, когда с юга пришли черные люди. С ними, пожалуй, не справились бы Медведи, потому что черные люди были огромного роста и искусны в борьбе; но дух их предка, Великий Медведь, послал в холодную зиму с глубоким снегом, и черные люди бежали, как ласточки перед первым порывом холодного осеннего ветра. С тех пор Медведи мирно жили на берегу реки, и никто не оспаривал у них их земли и добычи.

В двух днях ходьбы вверх по долине жили люди родственного племени — дети Кабана, а дальше еще, у истоков реки — потомки Мамонта. На западе, в четырех днях ходьбы, стлались непроходимые болота, а на юге быстрый горный поток замыкал границу мира. Соседние племена но ссорились между собой. В лесах было достаточно дичи для всех. Люди охотились на зверей, и больше всего на оленей, только для того, чтобы жить, и каждый убивал столько, сколько ему было нужно, чтобы быть сытым и одетым.

Олень¹ — вот был настоящий источник их существования: его мех служил им одеждой, из кожи делались стены для жилищ, из его рогов изготовлялись наконечники для стрел и острог, его мясо было превосходно на вкус, а прикосновение к его копытам исцеляло от падучей. Стада бизонов иногда проходили через страну, но они исчезали так же быстро, как и появлялись, и притом охота на них была очень трудна, потому что они были сильны и хитры. Мамонты показывались редко. Это были самые мирные и в то же время самые общественные животные; они всегда держались вместе. Охотники избегали нападать на них, а ждали какого-нибудь благоприятного случая, чтобы овладеть одним из этих громадных животных. Мамонты были осторожны и не

¹ Здесь и дальше имеется в виду северный олень. Прим. перев.

подпускали к себе человека даже на расстояние стрелы. Да и что могла сделать стрела с этой косматой сморщенной толстой кожей?

Раза два весной на каком-нибудь защищенном от ветра лугу, удаленном от кустарника, в котором мог бы спрятаться человек, появлялось семейство мамонтов; они мирно паслись; высоко торчали их огромные бесполезные клыки. Своим мягким хоботом они вырывали траву из земли и засовывали ее в пасть. Громадные уши все время находились в движении: мамонты всегда прислушивались, всегда были начеку; они слышали малейший шорох, и когда он казался им подозрительным, бросались бежать, и тогда ни один человек не мог догнать их.

Как-то раз мамонт, проходивший по узкой дорожке на краю болота, поскользнулся, упал и застрял в вязкой тине. Стараясь высвободиться, он только все больше и больше погружался в болото, которое медленно его засасывало. Его гневный рев потрясал воздух. На эти призывные звуки прибежали люди и увидели картину, которую долго потом не могли забыть: на краю болота стояли два мамонта и пытались спасти своего товарища; один схватил хоботом тело тонущего, другой обвил хоботом его клыки. Упираясь сильными ногами в твердую землю, они делали тщетные усилия, чтобы вытащить огромное тело, уже наполовину увязшее в болоте. Когда они увидели приближающихся людей, они стали издавать такой потрясающий рев, что люди в страхе отступили. До самой ночи старались мамонты вытащить своего товарища и оставили его только тогда, когда убедились, что он мертв.

На утро пришли охотники. Несколько из них, обвязавшись ремнями, концы которых держали люди на берегу, бросились в болото и опутали крепким канатом, сплетенном из кожи, клыки животного. Так пытались они вытащить его на берег, но это им не удалось. Тогда решено было срезать клыки, которые имели около двух

метров в длину. И вот началась долгая и мучительная работа: изо дня в день люди работали, стоя по колена в воде, с удивительной настойчивостью и терпением, и наконец огромные клыки были срезаны, и их торжественно перенесли на террасу, где жило племя.

А тело потонувшего животного осталось лежать в болоте и начало разлагаться. Вода в болоте понизилась; ужасное зловоние распространилось далеко вокруг. Беспокорство охватило людей: по-видимому, они чем-то разгневали невидимых духов, которые в отместку за это отняли у них добычу и теперь отравляют воздух. Тогда их вождь Раги, сопровождаемый тремя мудрыми старцами, совершил церемонию примирения: на пластинке из клыков затонувшего животного было вырезано изображение мамонта; оно было сделано с величайшим искусством и как нельзя лучше передавало образ животного. Один из старцев произнес над этим изображением заклинание, после чего пластинку торжественно погрузили в воду на том месте, где разлагался труп. Это помогло, потревоженный дух успокоился, пошел сильный дождь, который длился 24 часа, вода в болоте поднялась на полметра, мамонт исчез, и только пузыри на поверхности воды говорили о том, что дух все еще здесь, но вредить он уже не мог.

Еще реже, чем мамонты, встречались носороги с длинными мордами и рогами, с телами, покрытыми панцирем. Но они не подпускали к себе человека, и ни одному охотнику не удавалось выследить их.

Зато много было в долине диких лошадей различных пород. Племя охотилось на них и употребляло в пищу их мясо. Водились также и дикие быки; это были - самые страшные враги человека: нередко бык подымал на рога преследовавшего его охотника. В жаркие лета появлялись иногда хищные животные, похожие на больших кошек: они переплывали реку с юга и производили огромные опустошения среди лошадиных и оленьих стад. Лошади и олени в ужасе бежали от

своих обычных пастбищ. Тогда охотники устраивали облаву на диких кошек, чтобы заставить их уйти: люди собирались всем племенем, громко кричали и колотили в барабаны, чтобы испугать зверей, а мудрые старцы в это время произносили заклятья, которые должны были заставить уйти непрошенных гостей.

Боялись люди также и волков, которые уничтожали животных, употреблявшихся людьми в пищу. Племя Медведя вело с волками беспощадную войну. Волчье мясо считалось нечистым, и его нельзя было есть, но волчья шкура употреблялась при постройке жилищ, а старцы покрывали ею свои плечи.

Более ценные меха, которыми мужчины и женщины украшали свои одежды. — куница, соболь, горноста́й, лисица, — служили также для обмена: торговцы, два раза в год приходившие из далеких стран в эту долину, охотнее всего выменивали свои товары на эти меха.

Река, на берегах которой жило племя Медведя, доставляла богатую добычу своим обитателям: воды ее кишели форелью, щукой, семгой. Их убивали острогами. Маленькие дети прямо руками ловили пескарей и раков.

И все это благополучие, эту мирную жизнь в умеренном климате, среди обилия пищи, племя приписывало только великой мудрости своего предка Медведя, неутомимого и могучего, приведшего когда-то своих детей на берега этой реки. А самым ценным было то, что он заключил благоприятный для племени союз со всеми духами, населяющими реку, пещеру, кустарники и леса, с духами, витающими по полям, которые набрасываются на животных и тысячами убивают их, посылают или задерживают дождь, осушают реки или выводят их из берегов и являются во сне людям. Науку, как жить с духами в мире, великий предок передал мудрым старцам, которые свято храпят эту тайну и в свою очередь передают ее из поколения в поколение особо посвященным. Старцы знают формулы заклинаний и слова, которые,

можно и которые нельзя произносить; они знают дни, благоприятные для начала охоты, священные танцы, которыми можно привлечь животных к охотнику, и магические изображения, которыми можно удержать зверя на месте. Только они одни знают все обряды, необходимые для того, чтобы души мертвых не вредили оставшимся в живых; одним словом, они знают все, что необходимо этим людям, окруженным со всех сторон незримыми врагами, подстерегающими их, чтобы при малейшей ошибке или оплошности напасть и уничтожить их.

Человек жил в вечном страхе среди враждебного мира и непрерывных опасностей. Звери были его врагами, между ними я человеком шла борьба не на жизнь, а на смерть. Невидимые духи окружили его со всех сторон и всячески старались вредить ему. Неизвестные болезни вдруг посещали племя и выхватывали из его рядов старых и молодых, взрослых и детей; люди мерли, как мухи осенью, и никакие заклинания старцев не могли им помочь.

А то вдруг всех охватывал необъяснимый страх и держал в тисках день за днем: казалось, приближается какая-то ужасная катастрофа, которая должна уничтожить все племя, но никто не знал, откуда она должна придти. И люди боялись выходить из хижин, терпели голод, но не осмеливались идти на охоту. Были среди племени одержимые, которые внезапно падали на землю, а у рта их показывалась красная пена. Если никакие заклятия старцев не помогали, то прибегали к операции: несчастному пробуравливали череп для того, чтобы через образовавшееся отверстие мог уйти поселившийся в нем злой дух.

Так проходили столетия, полные суровой борьбы и тяжелых лишений: с опасностью для жизни, путем невероятного напряжения, охотники племени добывали пищу для себя, своих жен и детей и для немощных старцев.

Но вот уже в течение нескольких поколений стали происходить едва заметные изменения температуры: лето становилось все теплей, зима все мягче. Когда-то давно — так говорили старцы — земля в долине в течение целой половины года лежала под снегом; все вокруг кишело оленями; до пяти больших стад держались постоянно поблизости. Изобилие господствовало в жилищах.

А теперь зимой вместо снега — дожди, вместо морозов — сырость, и олени бегут из этой местности: их становится все меньше и меньше. Меньше стало и разного пушного зверя: соболя, лисиц. Все это внушало тревогу.

Особенно тревожило исчезновение оленей. Их стало так мало, что только охотники могли одеваться в эти превосходные меха, а для остальных членов племени их не хватало. Это создавало среди детей Медведя настоящую панику. Люди обращались к вождю Раги и к мудрым старцам. Ведь, они — хранители тайных знаний, они должны знать, как приворожить животных и заставить их держаться вблизи жилищ человека! Но вождь и мудрецы были бессильны, и это вызывало недовольство и затаенную вражду против них.